

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВНА
РОГАЧЕВА,

СВЕТЛАНА
ЮРЬЕВНА
СИНИЦЫНА

О МЕСТЕ ПОЭТА...: СЛУЧАЙ АНТОНА КУНГУРЦЕВА¹

В статье рассматривается судьба и творчество расстрелянного в 1930 г. тюменского поэта с точки зрения категории провинциальности, выявляется сущность лирического конфликта личности и места/времени, а также формы его манифестаций.

ЧАСТЬ 1: БИОГРАФИЯ

«Exigo monumentum», — много веков назад сказал Гораций. И эти слова стали символом бессмертия искусства, которое переживает своего творца, заставляя людей даже спустя многие годы плакать, смеяться, думать. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — о том же самом, только наш классик. Творчество — дорога к бессмертию в памяти потомков.

Но так бывает не всегда. Искусство само по себе не вечно, таковым его делают люди, вновь и вновь перечитывая стихотворение, восхищаясь картиной или скульптурой. Если нет читателя, зрителя, то произведение искусства умирает вместе со своим автором и иногда только благодаря счастливому случаю воскресает из долгих лет забвения.

Для нас таким счастливым случаем стало упоминание С. В. Тураевым в своих «Воспоминаниях старого тюменца» имени тюменского поэта 1920-х гг. Антона Кунгурцева: «Антон Кунгурцев по стилю был имажинистом. К сожалению, я не помню ни одного его стихотворения, только одну строчку: «Туман над озером повис, // Как голубая мышеловка» [Тураев 2002: 27]. Заинтересовавшись этим человеком, мы начали разыскивать материал о нем... и столкнулись с таким фактом: на сегодня практически ничего не написано о литературной жизни Тюмени первых послереволюционных десятилетий. Не сохранилось ни имен, ни сведений об издательствах, публиковавших произведения местных авторов, ни характеристики литературно-художественных кружков... И вот на фоне этого белого пятна появилась точка — имя Кунгурцева. Мы стали искать следы его литературной деятельности и сейчас хотим представить вашему вниманию некоторые результаты своей работы.

Во-первых, необходимо сказать, что об Антоне Кунгурцеве писали еще в конце 1980-х. В 1989 г. в «Тюменской правде» появилась большая статья Р. С. Гольдберга «Век двадцатый, год тридцатый», посвященная делу о контрреволюционной организации, по обвинению в принадлежности к которой был расстрелян в 1930 г. Кунгурцев. Позже, в 2003 г., с некоторыми изменениями статья вышла в «Тюменском курьере». Но автора публикаций привлекли не стихи, а факт трагической гибели талантливого журналиста. И наконец, в 2004 г. издательство «Тюменский курьер» выпускает третий том «Книги расстрелянных», в котором Р. С. Гольдберг публикует стихи Кунгурцева, переданные ему сыном поэта. Стихи эти при жизни Кунгурцева напечатаны не были, во всяком случае в Тюмени. А сейчас с ними может познакомиться любой желающий.

Для нас важен не столько вопрос о художественной ценности стихотворений, сколько сам факт их существования. Современного читателя изумляет парадокс:

без трагической смерти поэта не было бы сегодня публикации его стихов, без следственного дела ОГПУ не осталось бы никаких биографических сведений о Кунгурцеве. Свою «вторую жизнь» стихи обретают семьдесят с лишним лет спустя благодаря гибели своего творца.

Мы вступили в переписку с С. В. Тураевым, юность которого прошла в Тюмени. Он лично знал Кунгурцева и его семью. Сергей Васильевич сообщил нам много интересных и ценных сведений как о Кунгурцеве, так и о литературной жизни Тюмени 1920-х гг.

Так что же за человек был Антон Герасимович Кунгурцев? Большинство известных нам материалов о нем почерпнуто из Следственного дела № 2691, которое хранится в Фонде прекращенных дел УАО УКГБ при СМ СССР по Тюменской области (далее — Дело). Кунгурцев родился в апреле 1901 г. в дер. Буньковой Суерского района Тюменской области (сейчас это территория Упоровского района). Его семья была если не богатой, то зажиточной. До революции они имели 7 десятин земли, 3 коровы, 3 лошади, а также небольшой кожевенный завод [Дело: т. 2, л. 167]. Поэтому неудивительно, что отец Кунгурцева в 1919 г. уходит в армию Колчака, забирая туда с собой и 18-летнего сына. Антон рассказывает об этом так: «...в 1919 мобилизован Колчаком и служил в учебном дивизионе Иркутской дивизии 1 1/2 месяца, по ранению отправили в Верхнее — [неразборчиво]... перешел к Красным и служил в РККА в Омске» [Дело: т. 1, л. 65]. В 1922 г. Кунгурцев по возвращении из армии был избран членом Буньковского сельсовета [Дело: т. 2, л. 298], три года был секретарем райкома комсомола.

С 1926 г. он живет в Тюмени. В 1928 г. вступает в партию. Появляется жена, а потом и двое сыновей. Работает в газете «Красное знамя» (официальный партийный печатный орган Тюменского окружкома и ОКРИК) заведующим культурно-бытовым сектором. В графе «профессия» сам Кунгурцев пишет: «Журналист» [Дело: т. 2, л. 170]. В эти годы в «Красном знамени» печатается много стихов Кунгурцева, а также его очерки, статьи, рецензии на спектакли и фильмы.

Об этом периоде рассказывает С. В. Тураев: «В 1928 г. я окончил школу-девятилетку... В 8–9 классах я был юнкором городской газеты «Трудовой набат»², печатал там не только заметки на бытовые темы, но и небольшие очерки и даже согрешил двумя стихотворениями. При редакции сложилась литературная группа ТАПП «Тюменская ассоциация пролетарских писателей», то есть своего рода филиал РАППа.

Членами ее были журналисты и только один настоящий поэт — Антон Кунгурцев. Это был высокий широкоплечий мужчина, немногословный, задумчивый, как бы погруженный в себя. Хотя я был мальчишкой, он относился ко мне с уважением... однажды он поделился со мной своими планами. Он хотел написать большую поэму и предполагал опубликовать ее в Москве. И если поэма получит признание, то он сам приедет в Москву...» [Тураев: письмо от 16 апреля 2004].

И. Терман. КРУШЕНИЕ

Но переезда в Москву не получилось, равно как и не была написана задуманная поэма. 31 января 1930 г. «коммунист, полностью и целиком поддерживающий линию партии» [Дело: т. 3, л. 82], был арестован по подозрению в причастности к контрреволюционной организации со сложным названием «Экстальная комиссия зарубежного руководства со стальным сердцем».

Нет необходимости, да и возможности проследить сейчас судьбы десятков людей, проходивших по этому делу. Его суть очень хорошо раскрыта Р. С. Гольдбергом в уже упоминавшихся публикациях. Если коротко, то вот что представляла из себя загадочная «Экстальная комиссия»: «...в СССР с марта месяца 1929 г. существует от Лиги наций контрреволюционная организация... так как члены ее живут и терпят невзгоды с 1917 г.... Главный центр ее находится за границей под руководством Сахарова, Семенова и Троцкого... на случай ареста ни в коем случае других членов организации не выдавать, причем на более ответственной работе члены должны расписываться кровью, в случае невыполнения каждое завербованное лицо со стороны своих же членов должно нести смертельную кару, то есть быть убитым... Организация ставит своей задачей... в момент объявления войны капиталистическими странами внутри СССР поднять восстание и свергнуть Соввласть» [Дело: т. 2, л. 335]. Вина Кунгурцева, по мнению следствия, состояла в следующем: «...преступная склонность Кунгурцева стала проявляться с 1928 г.... в том, что будучи в дер. Буньковой писал путевые записки про обиженных кулаков...³ Как сын кулака увязал связь с кулачеством и белыми бандитами... давал явки в Свердловск, Тагил к членам организации» [Дело: т. 2, л. 340, 351].

Кунгурцев, как и другие обвиняемые, в течение всего следствия говорит: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю» [Дело: т. 2, л. 356]. Однако ни абсурдный характер дела, ни отсутствие прямых доказательств, ни противоречия в показаниях свидетелей не помешали обвинительному заключению. 25 июня 1930 г. Особая тройка при ПП ОГПУ по Уралу выносит смертный приговор 11 человекам, в том числе Антону Кунгурцеву. И только через 27 лет, 27 мая 1957 г., участники этого дела были реабилитированы [Дело: т. 3, л. 257]... Большинство — посмертно.

Это — биография. Но, кроме типичной для тех лет истории жизни и смерти, от Антона Кунгурцева остались стихи, которые сегодня, после многолетнего перерыва, вновь могут быть прочитаны.

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Бродят вечерние тени
 Стадом овец меж кустов;
 Облаком вплыл в мои сени
 Запах вечерних цветов.
 Девушки с песнею звонкой
 Едут от пашен в село,
 Мчится за ними вдогонку
 Ветер с пахучим теплом.
 А за пожарной вышкой
 Тихо сидят мужики...
 И собрались мальчишки,
 Чтоб поиграть в городки.
 Знать, оттого так улыбки
 Льются в песок золотой.
 Тополь душистый и зыбкий
 Машет зеленой рукой.

«Красное знамя», 1928, 14 января

Нами найдено 20 стихотворений Антона Кунгурцева, опубликованных в тюменских газетах. По некоторым данным, он также много печатался в Свердловске. Так, С. В. Тураев вспоминает: «У меня тогда сложилось такое впечатление, что главные его публикации не в Тюмени, а в Свердловске: в «Уральском рабочем» и в комсомольской газете, названия которой я не помню, кажется «Смена» [Тураев: письмо от 16 апреля 2004]. Однако и тюменские материалы дают представление о характере творчества этого поэта, об основных мотивах, темах, способах организации стиха и т. д.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Последний отголосок стужи
 Роняет в поле тишина,
 На застывающие лужи
 Сползает желтая луна.
 Скользя по заморозкам тайно,
 Как в тихом море корабли, —
 Она гуляет по окраинам
 И в остывающей дали.
 То золотя собою стены,
 В своем молчании права, —
 Она опять вокруг антенны
 Вьет золотые кружева.
 Так хорошо ее старанье...
 Волнуется моя душа.
 А ночь полна очарованья
 И манит звездами дышать.
 Я выхожу. Опять в зените
 Сиянье розовых огней.
 Налево — громкоговоритель
 Поет с балкона в тишине.
 Он без волнения и дрожи
 Поет о радостях весны.
 И в удивлении прохожий
 Остановился у стены.
 Шумят невидимые хоры,
 Как будто где-то за горой.
 И, затаив дыханье, город
 Внимает музыке простой.
 У окон — звездное кипенье,
 Веселье ночи голубой.
 И льется на кварталы пенье,
 И плещет радио — волной.

«Красное знамя», 1928, 16 июня

Конечно, одно — два стихотворения не дают представления обо всем творчестве поэта, но они помогают почувствовать тональность, настроение, манеру письма. Приведенные выше стихи были опубликованы в официальной газете, где вообще-то печаталось не так уж много лирических произведений. Если стихи и попадали в газеты, то либо агитационные, либо сатирические. На этом фоне лирика Кунгурцева стоит особняком, хотя и у него есть произведения о текущих политических событиях, о новых социальных реалиях. Сами названия таких стихов говорят об их содержании: «Мы, селькоры (нашей конференции)», «За новый быт», «Поезд революции». В тетради неопубликованных стихотворений, которую сын Кунгурцева передал Р. С. Гольдбергу, мы читаем о природе, о сельской жизни, которая течет безотносительно к революции, к борьбе белых и красных. Многие из этих стихов по уровню мастерства, по ярким метафорам стоят, пожалуй, на ступень выше того, что печаталось в «Красном знамени». С согласия автора «Книги расстрелянных» мы приводим три из опубликованных в ней стихотворения Кунгурцева.

РЯБИНА

Кто о клене, а я о рябине,
Что склонилась под ветром в саду...
И, как роза, под холодом стынет,
Осыпаясь в осеннем чаду.
В час закатный осеннего звона,
Когда ветер утих среди полей,
Я не слышу печального стона
От ее наклоненных ветвей.
Но о чем ей грустится над просинью?
Ее гроздь, как гребень петуха,
Не сыскать ей и нынешней осенью,
Не сыскать по душе жениха.
Оттого с золотыми ресницами
Ей и дальше мечтать при луне;
Оттого вот, наверно, и снится ей
О какой-то далекой стране.
Все соседи в поблекшем наряде...
Поосыпался лист с тополей.
Лишь она украшает мой садик
Колыханием тонких ветвей.
Как черемуха милой весной
Нежит сердце, дыша на простор,
Так она под осенней луною
Привлекает и манит мой взор.
Все к ней чужды, немы без измены.
Только я ей, что можно, отдам;
Только я, ее друг вдохновенный,
Выхожу к ней по лунным следам.
И под ветер жестокий и грубый
Я готов хоть до тысячи раз —
Целовать ее алые губы,
Словно девушку с просинью глаз.

РАССТРЕЛ

Их было тринадцать. В промозглой норе
Им снились веселые дни.
И с самого утра в зеленом дворе
Петух со свиньей скандалил.
И мир им казался до странности пуст.
А сердце надежд не теряло...
За стенкой качался шиповника куст,
И гасла вечерняя алость.
А где-то далече, быть может, отцы
И матери ждали возврата.
И выли ночами встревоженно псы
И лаяли в сумрак крылатый.
Их было тринадцать. И все, как один,
Курили, ругались, молчали.
И алые груди шуршащих осин
Тревожно под ветром дышали...
Потом их связали. И всех привели, —
Где насыпь склонила ладони.
Начальник в погонах скомандовал — «пли» —
И в роще зафыркали кони.
В раскатистом залпе качнулся прицел —
Взметнулись в воздухе руки...

И долго ругался седой офицер,
 Окрасивший кровью их брюки.
 И плакали тени над зыбью осок,
 За озером совы ревели;
 В вечерней заре золотился песок
 И голые трупы чернели.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ СТОЛБ

Вечер – в румянце заката,
 Стелется ветер у ног.
 Тополь листвою крылатой
 Гонит прохладу в окно.
 Движутся пара за парой
 Люди, мечтая в зенит.
 И под окном, как гитара,
 Столб телеграфный звенит.
 Ветер незримой рукою
 Тихо ласкает струну;
 Небо в холодном покое
 Держит над садом луну.
 Стонут, качаяся, струны,
 Сыплется дрожь по столбу...
 Видел он в этой подлунной
 Грозную вьюгу-борьбу...
 Память о нем не украдешь.
 Есть о нем песенный сказ:
 Был он звеном в баррикаде,
 Раненым был он не раз.
 Видел он, как мы стреляли
 И отбивали страну...
 Чьи-то его обнимали
 Руки в предсмертье минут...
 С этой растущей новью
 В песне не скажешь всего,
 Коль человеческой кровью
 Мазались бедра его.
 Ну, а теперь он поставленный
 Мирную радость хранит,
 В лунную проседь оправленный,
 И как гитара звенит.

А сейчас давайте вернемся к тому, с чего начался наш разговор. К вопросу о памяти. Очень жаль, что в культурной памяти нашего города не сохранилось имени Антона Кунгурцева, как и имен десятков других талантливых людей, живших в тот не самый лучший для поэзии и поэтов период. Сегодня ставится проблема культурной самоидентификации нашего региона. Интерес к Тюменской области усилился, в частности, благодаря резко возросшей в последние несколько десятилетий роли Тюмени в экономической жизни страны. Однако самоидентификация, поиск «своего лица» невозможны без знания собственной истории, своих корней. Это в полной мере относится и к литературе.

ЧАСТЬ 2. СТИХИ

Историю провинциальной литературы легче всего представить как историю «забытых» писателей. Здесь довлеет пространство несуществования: художник, чьи произведения не вышли за границу «края», обречен на забвение даже в том

О продлении срока.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ. 308

30 года апреля 5 "дня, Я. Пом. Уполномоченного КРО Тюменского
 Окротдела ОГПУ ДВОИНИКОВ, рассмотрев следственное дело № 92 по обви-
 нению граждан Уральской области, Тюменского округа: УГРЧИНОВА Варлаам
 Ивановича-25 лет, КУНГУРЦЕВА Антона Герасимовича-28 лет, ПРИТЯЛОВА Се-
 григорьевича-45 лет, КОПОРШКИНА Никитора Осиповича-26 лет, ПР-
 Клементия Антоновича-53 лет, ЧИГАНОВА Петра Константиновича-32
 СВУРКОВА Осипа Ивановича-59 лет, ЛЯСНОГОСКОГО Викентия Петровича-61
 ПУТИЛИНА Федора Ивановича-33 лет, ХОРЗОВА Иллариона Абрамовича-53
 ХОРЗОВА Марка Абрамовича-51 год, ЛЯПКИНА Петра Терентьевича-61
 лет в числе 65 человек в принадлежности к повстанческой контр-
 революционной организации, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. ст.
 58, 2 УК.

НАШЕЛ:

по настоящему делу пока арестовано и допрошено 43 человека,
 предъявлено обвинение в перечисленных выше преступлениях, но
 обвиняемых находятся арестованными в других городах, как нап-
 ример в Никольско-Уссурийске, Тагиле, Томском округе и в распоряжение
 Окротдела ОГПУ еще не прибыли, по отдельным вопросам не по-
 лучено ряд ответов из других Окротделов ОГПУ. Кроме того среди арес-
 тованных, содержащихся под стражей в Тюменском Исправительном
 учреждении, для борьбы с которым специально созданной
 и наложен карантин и вызов на допросы, впредь до ликвидации эфе-
 мер.

принимая во внимание, что установленный ст. 116 УПК срок для ве-
 дения следствия истек, а потому-

ПОСТАВОВИЛ:

обудить, через ППОГПУ по Уралу, перед ВЦИК ходатайство о продле-
 нии срока следствия и содержания под стражей арестованных сроком
 на 1 месяц.

Пом. Уполномоченного КРО *Двоинков* /Двоинков/
 СОГЛАСЕН: Уполномоченный КРО *Куликов* /Куликов/
 УТВЕРЖДАЮ: Нач. Окротдела ОГПУ *Клопов* /Клопов/

43130
 1/12-14

случае, если он заинтересовал краеведа и стал объектом специальных исследований историков или филологов. Антон Кунгурцев, тюменский поэт 1920-х гг., в полной мере оправдывает репутацию провинциального автора, удел которого – «забытым быть». Его судьба, как и судьба его творческого наследия, сложилась драматически. Напомним, что из многолетней безвестности стихи Кунгурцева вышли не благодаря своей художественной ценности (которой они, безусловно, обладают), а благодаря факту трагической смерти поэта. В имеющихся на сегодня публикациях все, что говорится о поэзии Кунгурцева, подается исключительно в свете его статуса жертвы политических репрессий. Отсюда напрашивается вывод, что если бы Антон Кунгурцев погиб каким-то другим образом (например, от болез-

ни или утонул), то по сей день мы бы ничего не знали о нем. Мы намерены отвлечься от истории смерти автора и обратиться непосредственно к его произведениям, чтобы понять, чем же был поэт в провинции семь десятилетий назад.

Проблема сущности провинциальной литературы, ее качественного отличия от литературы столичной (или, наоборот, отсутствия этого отличия) интересовала и интересует многих исследователей. Для нас особой методологической важностью в этом смысле обладает статья Г. И. Данилиной и Е. Н. Эртнер [Данилина, Эртнер 2000], поскольку в ней поставлен вопрос о сущности провинциального текста: «...есть некий общий эстетический закон, имманентный самой природе провинциального текста. Человек меняет свою обычную роль активного героя, обладающего свободой поступка и выбора, он оказывается зависим от власти земли, на которой живет» [Данилина, Эртнер 2000: 34]. Авторы подчеркивают, что основной особенностью личности провинциального автора является ее изначальная конфликтность: «...авторское сознание проявляет себя в конфликте между писательским «я», изначально тяготеющим к творческой свободе, и самим этим краем как непроницаемой «вещью в себе» (здесь и далее выделено авторами статьи), тем самодовлеющим началом, которое ставит под вопрос саму возможность свободы от этого края» [Данилина, Эртнер 2000: 31].

По мысли исследователей, конкретные «краевые» условия оказывают непосредственное воздействие на формирование творческой индивидуальности. И степень отражения этого влияния как раз позволяет говорить о «провинциальности» (но не в смысле вторичности) того или иного текста: «...«опыт жизни здесь» — условие для творчества, необходимый структурный компонент авторского сознания... Слово «опыт» позволяет обозначить трудноуловимое место встречи «я» и

«края» в творчестве каждого провинциального писателя, выявить процесс творческого становления, **сам процесс, а не его результат**. Если результат — это завершённый образ края, воссозданный в произведении, то благодаря **категории опыта** можно увидеть **путь постижения «края»** писателем» [Данилина, Эртнер 2000: 32-33].

Прежде чем говорить о поэзии Антона Кунгурцева, надо вспомнить некоторые особенности литературной ситуации, которая сложилась в Тюмени в 1920-е гг. К сожалению, этот период литературной жизни города сегодня остается практически неисследованной областью, в то время как о литературной жизни Сибири 20-х гг. в целом написано если не достаточно, то во всяком случае столько, что исследователь может составить себе ее общую картину. Особенно продуктивно этим периодом занимаются новосибирские исследователи. В качестве примера можно назвать такие коллективные работы, как «Развитие литературно-критической мысли в Сибири» (1986) или «Литературная критика журнала «Сибирские огни». 1920–1980-е гг.» (1994). Однако подобные издания не дают никакого представления о тюменской литературной ситуации. Например, исследователь Л. Г. Чащина пишет: «21–24 марта 1926 г. в Новосибирске состоялся первый общесибирский съезд писателей, в работе которого принимали участие 44 делегата из Ачинска, Барнаула, Бийска, Кемерово, Красноярска, Новосибирска, Омска, Томска и других городов региона» [Чащина 2004: 66]. Входит ли в число «других городов» Тюмень, неизвестно.

С. В. Тураев вспоминает: «В Тюмени не было специального издательства. «Сибирские огни» выходили в Новосибирске, и желающие могли на этот журнал подписаться. Но предпочтение отдавали, конечно, московским изданиям: и тонким журналам «Прожектор», «Красная нива», и толстым ежемесячным» [Тураев: письмо от 8 апреля 2005]. Единственным местом, где могли быть напечатаны литературные произведения, являлась местная партийная газета «Красное знамя». Конечно, официальный статус газеты не позволял отводить много места на «чистую» литературу. Но все же в ней была создана рубрика «Литературная страница» (во второй половине 1920-х — с помощью все того же Кунгурцева, входившего в состав редакционной коллегии), где местные авторы получили возможность публиковать свои стихи. Соответственно, газета стала центром литературной жизни города. При редакции организуется Тюменская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП), которая является единственным известным сегодня литературным кружком в Тюмени в то время.

по Тюменской области

ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ
ВЗВРАТУ
в УАО УНКГБ при СМ СССР по
Тюменской области

**СЛЕДСТВЕННОЕ
ДЕЛО № 92/4154**

По обвинению Кунгурцева
Антони Герасимовича и др.
всего 57 чел.

от 58-9, 10, 11

Год производства 1930

Р 2691 2203

Арх. №

В 3 томах
том № 1

2203

— 353 —

№ 573

О. Г. П. У.

АНКЕТА №

для арестованных и задержанных с зачислением за О. Г. П. У.

Иска, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты крайней мере ответственности.

ВОПРОСЫ: **ОТВЕТЫ:**

1-я часть (заполняется заключенным).

1. Фамилия	Кунгурцев
2. Имя и отчество	Анатолий Теравский
3. Гражданство какого государства	СССР
4. Национальность	Русский
5. Место рождения	Фео. Ишимский район Сургут
6. Возраст (год рождения)	1901. 29 лет 7 месяцев и 10 дней на момент 1931 г.
7. Образование: а) грамотен-ли	а) грамотный
б) какую школу окончил	б) окончил одну школу в Ишимском районе
в) если не окончил, то с какой целью	в) пришел в школу

Семья (место жительства и место работы каждого члена семьи (отец, мать, братья и сестры))	Имя и отчество	Возраст	Занят ли место работы и должности или профессия	Место жительства (фамилия)
1. Мать	Евдokia Булгакова	28	Учительница, школа	Ишимский
2. Сын	Кунгурцев Анатолий	10	Семейника или Арест	Сургутский ИТ
3. Сестра	Леонидия	10	Учительница	
4.				
5.				

8. Политическая принадлежность: а) в какой партии членом, б) с какого времени

Член ВКП(б) с 1925, член с 1927.

9. Профессия

Место работы (укажите: а) с какого года по 1/III-1927 г. б) с 1/III-1927 г. по день ареста	Имя и отчество	Профессия или должность
а) 1918-1920	Редакция газеты Краевое Знамя	Заведующий редакцией
б) 1920-1927	С 1920-1927 в Ишимском районе	Учительница
в) 1927-1931	С 1927-1931 в Ишимском районе	Учительница

данской войны разворачивались преимущественно на окраине страны). Но к концу 20-х гг. система иерархических отношений между центром и провинцией стабилизируется и в целом, если отвлечься от новых названий, приходит к тому же состоянию, что и до революции. Категория «провинциальности», размытая в годы Гражданской войны из-за неопределенности самой административно-политической структуры государства, вновь становится важной категорией русской (советской) культуры. «Главной причиной появления в России провинциализма было специфическое понимание «порядка», который практически всегда ассоциировался в России с авторитаризмом и сильной централизацией» [Яркова 2003: 41].

Важно также не забывать, что в 20-е гг. внутренний конфликт провинциального автора накладывался на общекультурную проблему самоопределения художника в новых условиях. М. М. Голубков по этому поводу говорит: «Художник оказывался перед выбором собственной культурной ориентации... перед выбором двух полярных моделей литературного и личного бытия: либо следовать дореволюционным традициям, либо принять новые нормы, пока еще только складывающиеся, но во всем оппозиционные прежним» [Голубков 2001: 28]. В 20-е годы «проблема литературы как таковой заслонила проблемой писателя», который вновь ищет свое место в новом, анонимном пока для него художественном пространстве. Для него... встала задача: не «как писать», а «как быть писателем» [Абашева 2001: 7].

Вопрос о связи края и живущего в нем писателя поднимается критикой в течение как минимум последних ста лет. Например, в начале 20-х гг. на страницах «Сибирских огней» можно было встретить такую крайнюю, даже парадоксальную оценку сибирских поэтов: «Суровая страна Сибирь. Не любит искусства. В

Таким образом, литературную жизнь Тюмени 1920-х гг. нельзя назвать слишком бурной. Однако определенные контакты с «братскими» организациями, без сомнения, были. Например, есть свидетельства о знакомстве Кунгурцева с группой поэтов «Молодая гвардия» (А. Безыменский, А. Жаров и др.) Или, по воспоминаниям С. В. Тураева: «На собрании ТАППа был как-то видный литератор, возможно, из Москвы. Фамилии его не помню...» [Тураев: письмо от 15 мая 2004].

Конечно, необходимо учитывать сложную социокультурную ситуацию того времени. Начало 20-х — это время, когда старые отношения между центром и периферией были разрушены, а новые еще не оформились. В контексте тогдашних политических событий провинция нередко была более значима, чем столица (все события Гражданской войны разворачивались преимущественно на окраине страны).

Сибири вообще трудно отыскать новую книгу, а со стихами пуще того... Да и как-то звучит странно: Сибирь и стихи... Сибирь не любит поэзии. И поэты Сибири, как истые сыны суровой страны, тоже не любят ее» [Шанявец 1922: 162]. Однако перед нами одно из многих опровержений тезиса о несовместимости Сибири и поэзии — творчество Антона Кунгурцева.

На сегодня мы располагаем тремя стихотворениями Кунгурцева, которые посвящены теме поэта: «Уральским поэтам», «Начинающим» и «Мы, селькоры (нашей конференции)». Уже сами названия демонстрируют диалогичный характер этих текстов, обращение к «собратьям по перу».

Их публицистичность, отнесенность к определенному моменту не случайна. 20-е гг. — предельно политизированное время; тогда сложно было говорить о роли поэта вообще. Все подобные рассуждения неизбежно проецировались на имеющуюся социокультурную ситуацию, и в результате вопрос ставился о роли и месте поэта в новых условиях, о его значимости для построения нового общества. Извечная тема поэта и поэзии из философской плоскости переводилась в сугубо социальную.

Во многих стихах Кунгурцева политические события вторгаются в личную жизнь лирического героя. Например: «Милая, самая нежная, / Я б не расстался с тобой — / Если б не война зарубежная, / Если б не нужен был бой» («Осенняя тема»). Очевидно, что и стихотворения о поэте не могли избежать такой «злободневности».

Лирический герой Кунгурцева чувствует свою связь с определенной средой. Конфликт личного и общественного разрешается здесь в пользу общего (что вообще характерно для литературы 20-х гг.). На лексическом уровне это выражается в систематическом употреблении местоимения «мы». Лирический герой не отделяет себя от других (о чем говорило бы местоимение «я») и не противопоставляет себя обществу («я» и «вы»), а выступает как одно целое с ним.

В стихотворениях о поэтах в роли такого сообщества выступают другие писатели. Они все, по Кунгурцеву, обладают рядом общих черт как биографического, так и личностного характера:

Мы из мира цепей и страданий,
Из ненастных и темных низин...

<...>

После долгих и тяжких страданий
В хатах, тюрьмах и шахтах сырых
Мы идем в мир огнистых сияний,
В мир отрады и дней огневых...

(«Мы, селькоры»)

10. Если свистел из солдату карабка, ты в таком языке	<i>В Сибири' армии на службе</i>
13. Если не слушал и не работал по поводу, ты на языке средства или	<i>Мои с друзьями мои</i>
14. Вышел ли издалека из детства, или из	<i>Кем</i>
15. Привык ли к отдаленности по поводу или в языке народа	<i>Привыкши к 20-го годовому языку</i>
16. Отношение к военной деятельности: а) военное звание, род оружия или специальности б) если освобожден, то на каком основании	<i>Служил на флоте</i>
17. Когда арестован	<i>31 июля 1930 года</i>
18. Кто арестован, по какому адресу и № адреса	<i>150 пр. Луначарского 2214</i>
19. Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., уйма и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на какой квартире, в здании, на окраине и проч.)	<i>В г. Тюмени, на работе с редакцией</i>
20. Когда и кем допрошен	<i>21 февраля и 22-28 марта 1930 года</i>
21. Предупрежден ли обвинением и в чем именно	<i>Трехмесячно с суммой наказания в каторгу без права замены на выш.</i>
22. Место жительства перед арестом	<i>Свердлов, 21 г. Тюмени</i>

Примечания за заключенного:

Подпись заключенного *А. Кунгурцев*
4. Тюмень 1930 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

23. Официальное название места заключения	
24. По какому адресу арестован и № адреса	
25. За кем заключен	
26. Приказ заключенного	

Примечания:

Подпись производящего листок заключения

Отказы на вопросы заключенного могут означать: отказ от признания (в случаях случаев наказания), отказ от признания виновности, отказ от признания своей личности (в случаях признания себя другим человеком).

Телефон Тюменского губ. суда, ул. Луначарского, 2214

170 пр. Луначарского

Или – такой фрагмент:

Мы все росли
Под дождиками слез...
И чудно –
Как мы сохранить сумели
Свои качели детских полугрез
И песен розовых свирели.

(«Уральским поэтам»)

Таким образом, поэт в новых условиях, в представлении Кунгурцева, – это человек, видевший в прошлом немало горя, но при этом сохранивший веру в светлое будущее, построить которое он и помогает своими стихами. Вообще мысль о преобразующей, созидательной функции литературы (всегда характерная для русской культуры, но особенно активизировавшаяся в массовом сознании в советский период) явно прослеживается в стихах Кунгурцева. Например, в приведенном ниже фрагменте он говорит о поэзии как неременном условии процветания всего края:

И кто из нас
Не выдрожал желаньям
Для жизни –
Радости венки заплесть, –
Чтоб под метельным завываньем
Смог край наш ласкою расцвести?!

(«Уральским поэтам»)

Рядом с преобразующей функцией литературы в русской традиции издавна стоит пророческая миссия поэта. Об этом же говорит и Кунгурцев:

Поэтам дан закон –
Жизнь чувствовать вперед,
Чем тем,
Которые сердцами немь...

(«Уральским поэтам»)

Приведенные мотивы являются общими для всей «новой» литературы 20-х гг. Однако у Кунгурцева есть ряд мотивов, позволяющих говорить о специфике сознания провинциального поэта. Это, прежде всего, мотив связи с родной землей, регионом, краем:

Не разлюбить душе
Овьюженной земли
И сердце мне не переспорить.

(«Уральским поэтам»)

Эти строки, на наш взгляд, указывают на тот самый онтологический конфликт между личностью провинциального художника и его краем, о котором уже шла речь. У лирического героя Кунгурцева этот конфликт разрешается в пользу «края»; человек не может оторваться от своих корней («Сердце мне не переспорить»). В соответствии с этим формулируется и конечная цель поэтического творчества:

Чтоб крепче полюбить
Страну любовью вешней
В холодном декабре
И средь июльских нег –
И миру принести
О ней такие песни,
Каких еще не слышал человек!

(«Уральским поэтам»)

Для провинциального поэта в большей мере, чем для столичного, должен быть характерен «страх забвения», непризнанности. Но одновременно у Кунгурцева присутствует надежда на то, что и в будущем он вместе со своими «собратьями по стихам» не уйдет из памяти людей:

Мы пока у жизни на примете,
Закаляясь в чувственном бою...
Но когда-нибудь и нас отметят
И в родной читальне пропоют.

(«Начинающим»)

Лирический герой Кунгурцева находит возможное решение конфликта города и деревни (который вполне можно рассматривать как вариант конфликта столицы и провинции). Осознание поэтом своей миссии означает для него не отрыв от корней, а, наоборот, более тесную связь с ними:

...И теперь, когда я стал поэтом –
Мне милей родимое село.
Думал я, что сердце охладает,
Услышавши каменную звень:
Мне ж отсюда любятся сильнее
Золотые избы деревень.
Да и город по душе мне тоже;
Стал и он мне каменный с руки...

(«Старому другу»)

Таким образом, в творчестве Антона Кунгурцева мы обнаруживаем следы онтологического конфликта провинциального поэта и его края. Но этот конфликт мы наблюдаем уже в стадии его разрешения. Автор находит возможность синтеза, он пишет, не преодолевая в себе провинциала, а органически включая в свое творчество уже имеющийся «опыт жизни здесь».

В стихотворениях о поэзии лирической темой является переживание художником собственной идентичности, отношений между местом/временем рождения человека и местом/временем рождения поэта/стиха. Тема Кунгурцева – судьба провинциального поэта в постреволюционном мире – нашла завершение в текстах, где декларируется необходимость и, главное, возможность участия поэта в построении мира, основанного на коллективных ценностях.

Контраргументом и неотъемлемым звеном конфликта служит, пожалуй, не просто смерть художника, а факт случайности этой смерти. Следовательно, вопрос должен быть переведен в новую плоскость: содержат ли лирические произведения Кунгурцева переживание своей смертности, своей конфликтности со временем и местом, неизбежного разрыва с ним. Во всех случаях ответ один: да. Опыт переживания своей смерти мы обнаруживаем не в темах или мотивах, эксплицитно представленных в стихотворениях, а в глубине текста. Например, в стихотворении «Расстрел» лирический сюжет построен на неопределенности образов жертвы и палача: красные ли расстреливают белых или наоборот, читателю узнать не дано. Есть факт убийства человека человеком поверх всяких классовых конфликтов. В стихотворении «Молотьба» герой, создавая в общем традиционный (стереотипный) образ деревни, встречается с воспоминаниями о собственной юности. И именно невозможность уйти от них либо согласовать с настоящей жизнью служит предметом его переживания.

Итак, перед нами художественно завершенная тема новой деревни, революции и скрытый в текстах разрыв с ней, есть поэтический образ родины и осознание ее утраты. Налицо онтологический конфликт, который позволяет узнать в Кунгурцеве настоящего поэта и утвердить его статус как поэта провинциального.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Антон Кунгурцев – псевдоним Антипа Герасимовича Кунгурцева.
² На самом деле в 1928 г. эта газета уже называлась «Красное знамя».
³ Об этих «контрреволюционных» путевых записках Кунгурцева подробно рассказывает Р. С. Гольдберг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашева М. П. Литература в поисках лица. Русская проза в конце XX в. Пермь: Изд-во Пермского ГУ, 2001.
 Голубков М. М. Творческое поведение писателя как социокультурный механизм (1920–30-е гг.) // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2001. № 3. С. 20-39.
 Гольдберг Р. С. Век двадцатый, год тридцатый // Тюменская правда. 1989. 9 дек., 10 дек., 13 дек.
 Гольдберг Р. С. Век двадцатый, год тридцатый // Тюменский курьер. 2003. 24 апр., 26 апр., 29 апр.
 Гольдберг Р. С. Книга расстрелянных: В 3 т. Тюмень, 2004. Т. 3.
 Данилина Г. И., Эртнер Е. Н. Писатель и его край: онтологический конфликт как научная проблема // Филологический дискурс. 2000. Вып. 1. С. 27-36.
 Следственное дело № 2691 // Фонд прекращенных дел УАО УКГБ при СМ СССР по Тюменской области.
 Тураев С. В. Воспоминания старого тюменца // Филологический дискурс. 2002. Вып. 2. С. 20-36.
 Тураев С. В. Частные письма С. Ю. Синицыной, 2004–2005 гг.
 Чащина Л. Г. Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2004.
 Шанявец В. Сибирские поэты революции // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 162-166.
 Яркова Е. Н. Провинциализм и региональная культура России // Региональная культура: Сборник материалов региональной научно-практической конференции, г. Тюмень, 17–18 апр. 2003 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003.

НАДЕЖДА
 ПАВЛОВНА
 ДЕМЕНТЬЕВА

И В ЗАМЫСЛЕ РОДИТЬСЯ ВНОВЬ...

В статье рассматриваются новые проекты ведущего тюменского дизайнера А. Прудникова.

Месяц спрятался за рощу, спят речные берега.
 Хороши июльской ночью сенокосные луга.
 В небе вспыхнула зарница, над рекой туман поплыл,
 И уж время расходиться, да расстаться нету сил.

Из любимой песни

Александр ПРУДНИКОВ – ведущий тюменский дизайнер. Он родился в 1963 г. в Тюмени. В 1983 г. закончил Училище искусств, затем Институт дизайна, где с недавнего времени занимается преподавательской деятельностью. Член Союза дизайнеров с 1997 г. Дипломант Международного конкурса лучших работ архитекторов и дизайнеров (2000 г.).